

ПРОБЛЕМА ТЕКСТОВОЙ КОГНИЦИИ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. А. Сулимов

Коми государственный педагогический институт, Сыктывкар

The Problem of the Text Cognition: Research Methodology

V. A. Sulimov

Komy State pedagogical institute, Syktyvkar

Литературные тексты можно представить не только в эстетическом смысле (как систему ассоциативной образности), не только в логико-понятийном смысле (как систему различных уровней наррации), но и в лингвокогнитивном смысле (как систему когнитивных трансформаций). Лингвокогнитивное прочтение проблемы литературного текста сближается с возможностями анализа лингвистических механизмов культурной трансляции. Выделяются механизмы, которые имеют наблюдаемый семиотический смысл и включены в общий семиотический континуум национального семиозиса. К таким когнитивным механизмам относятся концептуализация, метафоризация и типизация, охватывающие содержание и способы национальной культурной трансляции. При этом культурно-языковые концепты составляют трансляционное ядро национальной культуры, а метафоризация и типизация — вариативную периферию национально-культурной трансляции, существующую в форме литературной и читательской традиции. В предлагаемой модели реализуется классическая задача симметризации отношений «текст» — «смысл» и «смысл» — «текст» в рамках отношения «текст» — «интерпретатор».

Literary texts can be introduced not only in the aesthetic sense (as a system of associative figurativeness), not only in the logical-and-conceptual sense (as a system of multiple level narration), but also in the linguistic-and-cognitive sense (as a system of cognitive transformations). Linguistic-and-cognitive approach closes in possible analysis of cultural transmission linguistic mechanisms. Some mechanisms possess significant semeiotic sens and are included into general semeiotic continuum of national semeiotics. Conceptualization, figurativeness and typification refer to such cognitive mechanisms and they all consider matter and ways of the national cultural transmission. Cultural-and-linguistic concepts constitute the transmission nucleus of the national culture, and figurativeness and typification constitute variant circumference of the national-and-cultural transmission, which exists in the form of literature. The following model introduces a type of symmetrization of the relations: «text» — «sens» and «sens» — «text» in the context of «text» — «expositor» relation.

Код культуры представляет собой сложное ментальное образование, включающее символический мир, образно-ассоциативный мир, знаковый мир и собственно-перцептивный (чувственный мир). Вместе с тем для современной культуры характерно то, что базой для формирования кода культуры является система текстов культуры — и в первую очередь — литературных текстов, воплощающих в себе в полной мере черты (общие и особенные) национальной культуры. Именно через систему текстов культуры реализуется информационный закон расширения априорности сознания, сформулированный В. В. Налимовым: «С развитием культуры наше сознание расширяется путем освоения новой, фундаментальной априорности» [1]. Исторически нескончаемый процесс порождения текстов, к которому, как кажется, вполне привыкла современная цивилизация, обуславливает и даже «провоцирует» изменение языка в направлении от явления кодифицированного, стандартного и достаточно типологизированного («смыслосодержащего») к

явлению изменчивому, подвижному, «смыслопорождающему». У. Эко в работе «Отсутствующая структура» замечает: «Перед адресатом сообщения предстает новая языковая реальность, в свете которой заново продумывается весь язык, его возможности, богатство сказанного и подразумеваемого, тот неясно мерцающий и смутно различимый шлейф поэтического сообщения, который всегда ему сопутствует» [2]. Современные тексты представляют собой не последовательно (линейно) расположенный набор картезиански (логически) осмысливаемых суждений, а некоторый смысловой ступок, существующий в индивидуальном пространстве нелинейного (лично ориентированного времени), что обусловлено «возмущающим» действием интерпретирующей мир личности (интерпретатора), обладающей дополнительными признаками наблюдателя (в т.ч. «самонаблюдателя»). Эти нелинейные процессы в человеческом сознании, коммуникации, социуме хорошо описываются синергетической концепцией, адаптированной для сферы человеческой культуры М. С. Кага-

ном: «...в этом Времени Истории значение имеют не только деяния ее Героев, великих личностей, и не только поведение безликих масс, но и деятельность каждой творческой личности — так сказать, массы личностей, мимо которых, под которыми или над которыми уже не может двигаться история, но в силу разнонаправленности действий которых она движется, как говорит синергетика, нелинейно» [3].

В основе процесса текстопорождения лежит сложная ментально-знаковая процедура «означивания» мира в ходе его познания, которая получила наименование «когниция». Когниция имеет философское, логическое, и психологическое обоснование. В философском смысле когниция есть творческий процесс человеческого типа сознания, осуществляемый в языке и неотделимый от процесса текстопорождения. С этой точки зрения и язык вообще, и текст как когнитивно ориентированная форма его существования есть осуществляемый или осуществляемый процесс когниции: «Слово есть производящее произведение, оно не есть инструмент человека в том смысле, что существуют какие-то мысль и значение, которые изобретают слова для своих выражений. Назовем это условно *орегат-орегатс*, производящее произведение. Греки считали, что так производится в людях бытие: значения сцеплениями логоса, и только ими, впихиваются в проблеск невидимого бытия или, выражаясь словами Гераклита, невидимой гармонии» [4]. «Невидимая гармония», на наш взгляд, есть система развертывания информационного пространства Вселенной, осуществляющегося в виде бесконечного ряда смысловых интерпретаций. В логическом смысле когниция может пониматься как процесс мышления, т. е. раскрытия и обоснования индивидуумом понятийной картины мира (как правило, построенной на феномене интериоризированного индивидуумом систематического знания). В психологическом смысле — это процесс совмещения, «нанизывания» концептов индивидуального сознания в ходе построения «повседневной» или «наивной» картины мира. Построение понятийной картины мира чаще всего стандартизировано, так как обязательно включает в себя компонент обобщенного («договорного») понимания, построение же концептуальной картины мира индивидуально, но в силу социальных (коммуникативных) причин в той или иной степени может быть типизировано. Обобщение понятийной картины мира, проходящее в рамках логической парадигмы знания, и верификация концептуальной картины мира, обладающей чертами ассоциативности, образности, происходят в литературных текстах, являющихся продуктом специальной текстовой деятельности. В общем процессе познания особое место занимают текстовая когниция (как естественный механизм организации текстопорождающего языкового сознания) и концептуализация (как естественный процесс формирования и актуализации языковой картины мира в виде системы концептов): «Познание в широком смысле слова складывается из двух компонентов: познания интуитивного, или когниции, и познания рассудочного, или позна-

ния в узком смысле слова. Таким образом, когниция и концепт лежат в сфере интуитивного «предзнания», а познание (в узком смысле) и понятие — в сфере рассудочной или дискурсивной» [5] Это особое положение текстовой когниции и концептуализации в общем пространстве культуры определяется их конституирующей функцией: функцией продукции/рецепции смыслов, а значит и литературных текстов (и = текстов культуры как основы обобщающей, суммирующей интеллектуально-знаковой системы). При этом концептуализация, являясь онтологически основной, смыслообразующей логико-когнитивной процедурой текстопорождения, лингвистически может быть описана с точки зрения результата, т. е. особенностей (смысловых и собственно лингвистических) литературного текста.

В области концептов (или=пространстве концептуализации языкового сознания человека), по мнению исследователей, заложены основы и собственно культурологические аспекты этой проблемы, т.к. концептуализация языкового сознания обладает ясно различимыми признаками визуализации, т. е. основывается на зрительном (онтогенетически и филогенетически) образе, впечатлении, представлении: «Идеология когнитивной семантики очень тесно связана с визуальными, образными представлениями» [6].

Концепты представляют собой не лингвистические единицы, дискретные и «обращаемые на самое себя» по форме и смыслу, а некоторую лингвистическую условность, позволяющую совместить в пределах одного наблюдения (одного цикла наблюдений) человека и культуру посредством естественного языка. Эта лингвокультурная «проходимость» концептуально ориентированной модели сознания делает эту модель не только семиотически релевантной задачам культурологического исследования, но и способной удовлетворительно объяснить ряд феноменов текстопорождения и текстовосприятия. Среди феноменов текстопорождения/текстовосприятия, являющихся, по нашему мнению, центральными, основополагающими феноменами современной культуры, выделяется группа феноменов, постулирующих соотношение культурной (языковой, коммуникативной) сферы и сферы индивидуального сознания: культурное пространство, дискурсивное пространство, картина мира и текст. Очевидно, что эти феномены системно связаны, но связь их между собой обладает внутренней логикой и соответствует внутренним существенным закономерностям как социально-культурного, так и лингвокультурного характера.

Определим указанные феномены в рамках культурологической парадигмы знания.

Культурным пространством будем называть ряд связанных между собой ментально (в пределах общего мыслительного пространства) и коммуникативно (в пределах одного устойчивого ареала общения) артефактов и ментефактов культуры, рассматриваемых наблюдателем в контексте истории. Другими словами,

коммуникативное пространство есть населенное пространство бытия материальной и духовной культуры.

Под *дискурсивным пространством* мы будем понимать набор социально и коммуникативно обусловленных высказываний на естественном языке, определяющих содержание и форму межличностного общения в данном исторически сложившемся социуме, включающее философские идеи, типизированные и не типизированные мысли и фразы, жанровые и дискурсивные особенности речи и сами тексты литературы, бытующие в данную историческую эпоху и используемые для целей общения. Дискурсивное пространство соотносится с культурным пространством на основании взаимозависимости и взаимообусловленности, но, что очень существенно — они не сливаются в одну систему исторически взаимодополняя друг друга. Этим, в частности, объясняются трудности в культурологическом и/или лингвокультурологическом описании естественного языка.

Важнейшим наблюдаемым феноменом является картина мира. Этот феномен исследуется философскими, психологическими и лингвистическими способами. Которые слабо интегрированы между собой. Вместе с тем существуют, на наш взгляд, основополагающие свойства и признаки индивидуальной и коллективной картины мира. И главное среди них — воспроизводимость. Картина мира воспроизводится в индивидуальном и социальном сознании вне зависимости от целей построения текста (высказывания), точно так же как и вне зависимости от целей деятельности.

Очевидно, что в ситуации развертывания в тексте индивидуальной картины мира происходит концептуализация — основной вид бытия конструктивного языкового сознания индивидуума. В пределах индивидуальной картины мира осуществляется осмысление мира в единственном существующем константном отношении — в отношении к своему Я (контаминированному в психологической реальности из субъектных форм «Ego»/ «Alter Ego»/ «Super Ego» etc.): «Смысл, рожденный в рамках определенной картины мира и представляющий собой сердцевину как языкового творчества вообще, так и языкового художественного творчества в частности, оказывается общей для обоих видов творческой ментальности сущностью. Для ее определения используются понятия «концепт», «концептуализации» и др. под.» [7].

Вместе с тем, литературный текст как феномен культуры представляет собой не линейное последовательное сочетание осмысленных языковых единиц, а моделируемый фрагмент реальности (в т. ч. и ментальной, ассоциативной, образной), представленный в единственно возможной для смыслопорождения и смысловосприятия форме — форме естественного языка. В этом аспекте (аспекте создания, передачи и восприятия смыслов) литературный текст остается уникальным способом бытия культуры, где различные стилевые и/или жанровые особенности всегда остаются вторич-

ными (а иногда — несущественными) по отношению к процессу смыслопорождения/смысловосприятия. По отношению к картине мира литературный текст оказывается в логической детерминации, т. е. смыслопорождение и смысловосприятие в литературном тексте зависит не только от качества и объема интериоризированных индивидуумом знаковых систем, но и от смысловой наполненности индивидуальной картины мира: «Под семантическим углом зрения всякий литературный текст являет собой картину (модель) мира. В этой картине эвристическим путем могут быть высвобождены отдельные элементы — значения, которые входят в классы значений, например, в группы пространственных, временных, причинно-следственных и подобных смыслов» [3].

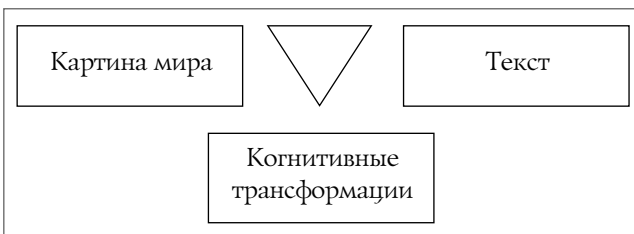
Такое «высвобождение» смыслов происходит благодаря самонаблюдению, лингвистической рефлексии, т.е. формированию дополнительной по отношению к классическим коммуникативным позициям «адресанта» и «адресата» неклассической позиции «наблюдателя», которая обладает коммуникативной подвижностью (т. е. способностью передвигаться от позиции «адресанта» к позиции «адресата» на любую коммуникативную дистанцию). Формирование позиции «наблюдателя» в индивидуальном плане приводит к возникновению и реализации мотивации к текстовой деятельности, а в социальном плане — созданию и развитию сложных многоуровневых знаковых систем. Основной семиотической характеристикой таких знаковых систем является подвижность или изменчивость значений под воздействием смысла текста, а основной семиотической операцией (и одновременно = ментальной процедурой) в таких многоуровневых сложных знаковых системах является когнитивная трансформация.

Когнитивной трансформацией мы называем семиотическую операцию перехода с уровня смыслов (глубинного уровня) на уровень текста (коммуникативный уровень), позволяющую лингвистически реализовывать мыслительные потенции языкового сознания. Когнитивные трансформации «встроены» в ткань историко-культурных процессов, определяют собой содержание деятельности авторов литературных текстов: «Историческая специфика различных картин мира определяется теми правилами, которыми руководствуется писатель, трансформируя универсальные смыслы в конкретные значения литературного текста» [3].

Когнитивная трансформация как феномен, имеющий ряд соответствий в культурологии, психологии, лингвистике вполне соответствует правилу «стабильной гибкости», открытому в рамках когнитивной лингвистики и когнитивной психологии (в основном — в рамках американских научных школ) и выражающему общий принцип соотнесения диффузных и подвижных смыслов и некоторых стандартизированных (в жанровом или стилевом отношении) способов их выражения: «Одно из открытий когнитивной психологии состоит в том, что когнитивная деятельность требует сочетания

двух принципов: структурной стабильности (structural stability) и гибкой приспособляемости (flexible adaptability). Иными словами, для ее эффективности, с одной стороны, требуется — по крайней мере на какое-то время — сохранять постоянный способ организации системы категорий, а с другой стороны, система должна быть достаточно гибкой для того, чтобы иметь возможность приспособляться к изменениям» [8].

Обладая некоторой дополнительностью, когнитивные трансформации, тем не менее, существенно влияют на общее соотношение феноменов языкового и культурного сознания индивидуума. Это влияние, прежде всего состоит в том, что когнитивные трансформации являются наиболее глубинным из всех наблюдаемых уровней смыслопорождения и смысловосприятия. Именно на уровне когнитивных трансформаций (или на прилегающем уровне закрытой части сознания) осуществляется смыслопорождение и создается смысловая перспектива и отдельного (ситуативного) высказывания и текста. Другими словами, когнитивные трансформации — это «предуровень» существования текста и, одновременно, — база для бытия в сознании индивидуума картины мира, а потому — основная и во многом (в отношении знаков языка и кодов культуры) единственная симметричность сознания человека — носителя культуры. Картина мира, литературный текст и способы или виды когнитивных трансформаций представляют собой углы модифицированного в ходе цивилизационного и языкового развития семиотического треугольника, вид которого в условиях современного семиозиса изменился, на наш взгляд, следующим образом:

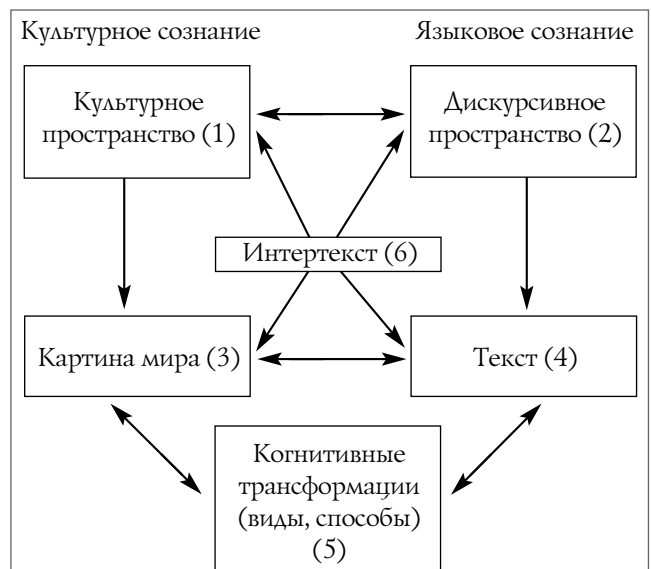

где когнитивные трансформации обладают признаками означаемого, а картина мира и текст признаками означающего, при этом в ходе текстовой деятельности это соотношение может изменяться, т. е. когнитивный акцент может переноситься с картины мира на текст, либо на способ означивания, в роли которого будет выступать одна или несколько когнитивных трансформаций, представленных как смысл самого изобразительного (словесного) ряда. Именно такое функциональное выделение автором способов когнитивных трансформаций представляет собой систему художественных тропов и средств логического построения текстов. Когнитивный треугольник «картина мира — текст — когнитивные трансформации» представляет собой не дискретный (как демонстрировалось в классическом треугольнике Огдена — Ричардса), а континуальный мегазнак, в котором собственно знак, привычный для классической семиотики,

растворен (или может быть — распределен) в процедуре означивания и ее условиях: содержании и структуре индивидуальной картины мира, наборе текстов, привлекаемых в качестве ментальной основы текстовой деятельности и, наконец, способов когнитивных трансформаций, сознательно или бессознательно (в результате глубокой интериоризации) применяемых автором литературного текста. Пробраз такого видения знака мы находим у Р. Барта, предложившего модель преобразования знака в означаемое (либо=означающее — В. С.) в сложных знаковых системах в своей работе «Мифологии», а также в работах И. Смирнова [3, 9]. Вполне разделяя гипотезу о преобразовании знака из трехстороннего в двусторонний базовый элемент семиотики, мы тем не менее должны подчеркнуть необходимость расширительного толкования этой закономерности, распространяя ее за пределы собственно современного мифотворчества — в область литературного текста.

Анализ модели текстовой когниции (преобразования «смысл — текст») дает возможность наблюдателю осознать роль культурного и языкового сознания человека и их соотношение в процессе текстовой (а, значит, — и интеллектуальной деятельности). Культурное и языковое сознание индивидуума находятся в отношении дополнительности, которое не может, на наш взгляд, являться ни тождеством, ни противопоставлением, ни сопоставлением, так как раздельное онтологическое существование этих феноменов культуры не отмечалось и не представляется возможным. Вместе с тем отношение дополнительности, а не тождества может быть подтверждено многочисленными наблюдениями над языковой практикой иностранцев в сфере обыденной жизни (например, создание национально-языковых анклавов в иноязычной среде), а также в процессе обучения иностранным языкам (в т. ч. обучению иностранцев русскому языку).

Рассмотрим модель текстовой когниции, демонстрирующую, на наш взгляд, соотношение культурного и языкового сознания человека:

На схеме мы видим филогенетическое единство культурологических феноменов, рассматриваемых с точки зрения их собственно культурологических и лингвокультурологических признаков. Вместе с тем обнаруживаются закономерности, формируемые взглядом наблюдателя через призмы культурного и/или языкового сознания, позволяющие смещать выделенные компоненты модели креативно-релевантных феноменов культурного VS языкового сознания индивидуума по отношению к процессу семиозиса (реализуемого в ходе означивания лингвистических и не лингвистических единиц). К этим закономерностям, существенно влияющим на методологические подходы к анализу моделируемых нами объектов культурологии, мы относим:

1) Компоненты 1/2 (культурное пространство и дискурсивное пространство) и 3/4 (картина мира и текст) непосредственно связаны между собой в филогенезе и онтогенезе и взаимообусловлены. Это означает, например, что тексты, составляющие культурное пространство, могут использоваться в различных формах, видах, модификациях в современном дискурсивном пространстве (т. е. быть актуальными в ходе интеракции и текстовой деятельности), а некоторый текст всегда будет соотноситься с картиной мира, представленной в сознании его автора (этот процесс — двусторонний: может моделироваться и текст в соответствии с картиной мира и картина мира в соответствии с продуцируемым текстом).

2) Компоненты 1/3 (культурное пространство и картина мира), а также 2/4 (дискурсивное пространство и текст) непосредственно связаны между собой детерминирующей связью: индивидуальная картина мира в большей степени детерминирована культурным пространством, чем культурное пространство индивидуальной картиной мира. То же самое и с соотношением дискурсивного пространства и текста, который детерминирован сферой общения и условиями коммуникации в большей степени, нежели наоборот.

3) Компоненты 3 и 4 связаны в единое целое в составе подвижного семиотического треугольника (как мы показали это выше), что делает их зависимыми от планирования высказывания, происходящего в виде выбора типа или способа когнитивной трансформации.

4) Отношения между компонентами 1/4 (культурное пространство и текст) и 2/3 (дискурсивное пространство и картина мира) оказываются опосредованными в связи с (а) различиями в наборе семиотических единиц, представляющих эти компоненты, и (б) различными способами осуществления смыслообразующих и смыслоразличительных функций (материальных, ассоциативно-образных, вербальных и т. п.).

5) Подвижная призма культурное сознание VS языковое сознание позволяет рассматривать эту модель с точки зрения историко-культурного, философско-дискурсивного или лингвокультурологического подходов к анализу и оценке одних и тех же фактов культурологической реальности.

6) «Цементирующим» компонентом модели является интертекст, особое свойство которого в отношении смыслообразования/смысловосприятия заключается в его посреднической функции между «миром знаков» и «миром смыслов». Интертекст, согласуясь с индивидуальными и социальными смыслами, с одной стороны, и семиотическими системами, с другой, обладает достаточной гибкостью для того, чтобы осуществлять «сцепление» всех компонентов, участвующих в смыслопорождении/смысловосприятии.

Можно вполне утверждать, что интертекст является не прямым «отражением» картины мира, выраженной в ряде текстов, а сопряжением многих составляющих, вступающих между собой в семиотические отношения. Таким образом, к показанному нами семиотическому треугольнику мегазнака в ходе текстовой деятельности добавляется пространство существования мегазнака, наполненное новой логикой отношений — континуальной логикой и новой семантикой отношений — континуальной семантикой. Это пространство существования мегазнака слабо структурируется и не коррелирует с психологическими и структурно-лингвистическими представлениями, включая сюда и собственно лингвистическую стилистику, и литературоведческую теорию тропов. Такое свойство структурной «непрозрачности» пространства бытия мегазнака привело к выдвижению идеи интертекста, включающего в себя механизмы смыслопорождения и смысловосприятия, а также условия, предшествующие порождению и восприятию текста. Обнаруженная интеллектуальная подвижность интертекста повлекла за собой выдвижение идеи непознаваемости имени, и, соответственно, крайней субъективной неинформативности высказывания. Наиболее ярко она проявилась в творчестве Жака Дерриды, предполагавшем в основе дискурсивной практики и текстовой деятельности абсолютную непостижимость (тайну): «Тайна заключается в том, что ее называют здесь тайной, связывая ее со всеми тайнами, которые носят то же имя, но не сводятся только к нему. Тайна являлась бы также омонимией, не столько скрытым ресурсом омонимии, сколько функциональной возможностью омонимии или мимезиса» [10]. Вместе с тем, субъективизм беспредельной омонимии, действительно существующий в связи с континуальностью системы значений, ограничивается, на наш взгляд, не социально детерминированной нормой, а национальным семиозисом, имеющим не директивный, а вероятностный характер.

Вероятностный характер семиозиса, определяемый свойствами индивидуального языкового сознания и информационным пространством, в котором функционирует язык, хорошо коррелирует с новым типом знака, возникшим в результате развития системы литературных текстов и изменения содержания текстовой деятельности. Этот тип знака, который мы называем континуальный знак, представляет собой не дискрет-

ное знаковое образование, симметричное само себе, а пролонгированную систему признаков, соответствующих (а) смысловому наполнению высказывания (текста); (б) ситуативному (жанровому) соотношению высказывания (текста); (в) позиции наблюдателя (приблизженной к позициям автора/читателя, либо удаленной от них) и (г) цели когнитивного моделирования (т.е. исследовательской установке наблюдателя). Тип континуального знака определяется доминированием (в высказывании, фрагменте текста, либо целом тексте) одного или нескольких способов когнитивной трансформации. Нами выделено несколько типов когнитивных трансформаций: концептуализация (выражение смыслов через логико-семантическую операцию обобщения), метафоризация (выражение смыслов через логико-семантическую операцию сравнения/сопоставления) и типизация (выражение смыслов через логико-семантическую операцию соположения или сопряжения). Особое место в русской языковой ментальности занимает символизация — тип когнитивной трансформации, существующий в неразрывной связи с другими типами трансформаций и выступающий всегда латентно. Это свойство современного русского литературного текста обращено к историческим этапам развития национальной культуры и демонстрирует текстоцентрический характер этой культуры. Доминирующая когнитивная трансформация (переход «смысл — текст») формирует не только тип континуального знака, но и тип смысловых отношений внутри текста и стратегию текста. Русский литературный текст демонстрирует гармоническое соединение всех типов когнитивной трансформации в пределах одного авторского замысла в виде набора стратегий текста. Это свойство можно отнести к действию глубинных пластов русского национального культурного сознания, возникшего и развивавшегося не в этническом, не в поведенческом или песенно-игровом, а в книжно-письменном, текстоцентрическом направлении. Для современного русского литературного текста характерны следующие типы континуального знака:

1. Концептуализированные.

1.1. Презентация знания (демонстрация системы пресуппозиций знания индивидуального языкового сознания (ИЯС): «*Слушатели ... отлично знали, что чередование вялости и напора, шепота и крика, языка цифр и вдохновенного камлания не более чем прием профессионального оратора, и все же поневоле ощущали на себе магию этой странной, известной всему миру полуулыбки*» (описание личности политического вождя — Гитлера) (Б. Акунин).

1.2. Истокование знания (объяснение системы пресуппозиций знания, продемонстрированного в презентации или вне ее): «*А поскольку Ленинград был городом более филармоническим, нежели театроцентрическим, в отличие от Москвы, что давно отмечено, и именно в филармонии собирался свет и происходил бомонд* (метафоризированная вставка — В. С.),

то все обсуждаемые там истории автоматически становились достоянием Невского...» (М. Веллер).

1.3. Презентация-истолкование знания (пролонгированное знаковое образование, включающее в себя контаминацию признаков 1.1. и 1.2.): «*Есть, видимо, какое-то странное соответствие между общим рисунком жизни и теми мелкими историями, которые постоянно происходят с человеком и которым он не придает значения. Сейчас я ясно вижу, что моя судьба уже вполне четко определилась в то время, когда я еще не задумывался всерьез над тем, какой бы я хотел ее видеть, и больше того — уже тогда она была мне показана в несколько упрощенном виде»* (в первом предложении — признаки презентации. А во втором — признаки истолкования знания) (В. Пелевин).

2. Метафоризированные.

2.1. Дескриптивизация (введение метафор в описательный контекст): «*Стыло бульонное озерцо. Лежала праздная ложка. Достоинство всех английских королей, вместе взятых, заморозило Сонины лошадиные черты»* (Т. Толстая).

2.2. Детализация (оформление признаков описываемого объекта/явления/действия в виде метафор): «*А потом скверик закрывают на просушку. И мы просто ходим по улицам. И вот однажды какая-то худая высокая девочка — белый такой комар — с криком бросается на шею Марьиванне, и плачет, и гладит ее трясущееся красивое лицо»* (Т. Толстая).

2.3. Импрессия (создание эффекта непосредственного эмоционального восприятия, обычно — зрительного): «*Незнакомые места. Вечерет. Светлый воздух весь ушел вверх и повис над домами; темный — вышел и стал в подворотнях, в подъездах, в провалах улиц»* (Т. Толстая).

2.4. Перцептивизация (создание эффекта ощущения: времени, света, цвета, запаха и др.): «*Достала малиновые надтреснутые чашки, украсила стол какими-то кружавчиками, копается в темном гробу буфета, колыша хлебный сухарный запах, выползающий из-за деревянных щек. Не лезь, запах! Поймать его и прищемить стеклянными гранеными дверцами; вот так; сиди под замком»* (Т. Толстая).

2.5. Метафорическая символизация (контаминация внутреннего символического смысла и метафорических элементов текста): «*Отчего-то я чувствовал пустоту и одиночество, словно очень долго шел сквозь голое осеннее поле; это было настолько необычное состояние, что я забыл обо всем остальном, в том числе и о постоянном в последние месяцы ощущении приближающейся смерти, которое уже потеряло остроту и стало просто фоном для всех остальных мыслей»* (В. Пелевин).

3. Типизированные.

3.1. Социализация (социальная типизация) (сближение текста или его фрагмента со стилистически маркированными элементами: жаргонизмами и арготизмами, разговорно-бытовой речью, профессиональ-

ной речью и другими типическими, частотными смыслами национального языкового сознания): «И среди прочих, кто свалил перед Московской олимпиадой в Штаты, был замдиректора Ленплодоовощторга. Можно себе представить, каких масштабов фигурой он был в Ленинграде. Золотое дно, миллионные махинации: магнат. Один их хозяев города. Стометровая квартира на Мойке, забитая антиквариатом, белая «Волга», и собачке золотые зубы вставлены» (М. Веллер).

3.2. Стереотипизация (придание признакам предмета, лица, явления черт, присущих бытовым представлениям): «Вот этот Валентин Зорин, знаменитый в те времена человек, лет двадцать безвылазно просидел в Америке. Он был собкором ТАСС, и АПН, и «Правды», и всего на свете. Он в этой Америке изнемогал и жертвовал жизнью на фронтах классовой борьбы. Он жил в американском коттедже, ездил на американской машине, жрал американскую еду и носил американскую одежду» (М. Веллер).

3.3. Ситуативная стилизация (придание тексту — его фрагменту — черт, присущих ситуативной рамке: тип эпохи, характер события, тип исторической когнитивности): «Он тоже из Саратовской губернии. На империалистической воевал, дали ему отпуск по ранению. Тогда они с матерью и встретились. Она еще совсем девчонка была. Ну, полюбили друг друга. Дедушка Михель против был, так отец маму тайком увез» (Б. Акунин).

4. Диспозитивизация (описание ментальной «диспозиции» — некоторого типизированного контекста): «За решеткой Дорин расположился по всем правилам конспирации: двор как на ладони, самого не видно. Десяти минут не прождал — выходит из дверей Надежда. Одета по-летнему: широкая юбка, на голове береточка, на ногах — белые носочки, туфли — лодочки» (Б. Акунин).

5. Метафорическая типизация (применение в тексте для смыслообразования типизированных метафорических средств): «И показалась она ему ужасно красивой — может, из-за нарядной одежды или потому что соскучился. А может, и в самом деле была она ужасно красивая, просто он раньше этого не замечал» (Б. Акунин).

Когнитивные трансформации, реализуясь в литературном тексте в виде набора континуальных знаков (концептуализированных, метафоризированных и типизированных), контаминируются в реальных литературных текстах в форме объединений континуальных знаков на основе общего нарративного замысла — или в форме когнитивных стратегий. Когнитивной стратегией мы называем способ формирования нарративного текста как текста культуры, основанный на фигурах, совмещающих в пределах одного текста различные типы когнитивных трансформаций. Когнитивная стратегия как стратегия выстраивания текста не имеет стилиобразующего потенциала, вместе с тем, безусловно можно наблюдать соотношение когнитивной страте-

гии и авторского «Я», демонстрируемого автором или выявляемого в ходе наблюдения. Когнитивная стратегия текста онтологически основывается на процессе визуализации современного индивидуального сознания. Визуализацией мы называем способность сознания создавать ментальные образы (соотносимые затем с представлениями и понятиями) на основании зрительных образов (схем, рамок-силуэтов, цветовых сочетаний и сгущений). Визуализация наиболее характерный способ ментального освоения мира современным человеком. На основании визуализации вырабатываются зрительно ориентированные когнитивные стратегии, которые (в отличие от логикоориентированных стратегий понимания текста, описанных Т. Ван Дейком) способны продуцировать новые тексты культуры. Можно наметить следующие когнитивные стратегии: (а) верификационные (т.е. направленные на логико-ментальное восприятие адресата); (б) дистрикционные (направленные на определенное — в основном жанрово (или=сюжето) детерминированное восприятие адресата); (в) анимационные (в том числе — коллажные), направленные на фрагментарное («фасеточное») восприятие зрительно обусловленных образов; (г) перцепционные, направленные на создание у адресата чувственных иллюзий; (д) вторичные («ремейковые»), направленные на использование известных образов, сюжетов, текстов с целью поддержания процесса коммуникации либо создания эффекта новизны. Такого рода вторичные стратегии часто используются сегодня для создания т.н. проектов, в т. ч. известных романов Б.Акунина и художественных инсталляций. Именно вторичные стратегии, на наш взгляд, совершенно неоправданно считают главным признаком «эпохи постмодерна».

При последовательности когнитивных стратегий «верификационные-дистриктивные-анимационные-перцепционные-ремейковые» хорошо просматривается ситуация убывания собственно смыслового наполнения стратегии, что соответствует некоторой градуальной оппозиции «информационная/неинформационная стратегия». Именно эта оппозиция выражает ценностную (аксиологическую) составляющую феномена когнитивной стратегии.

Когнитивная стратегия присуща целостным текстам, обладающим интенциональным и смыслопорождающим потенциалам, стилистически и жанрово релевантным, т. е. соотносимых с закономерностями построения языка как творческого механизма, основанного на ассоциациях по сходству (в виде метафоризации, приписывающей объекту новые признаки и/или сопоставляющей объекты между собой) и смежности (в виде концептуализации, манифестирующей новую информацию, и типизации, представляющей известную информацию как новую), показанных Н. В. Крушевским в его классической работе: «Эти законы делают возможным существование языка: без ассоциации сходства невозможно производства слова, без ассоциации смежности невозможно его воспроизводство» [10].

Это же можно отнести и к иному семиотическому уровню — уровню текста. Главную роль в системе когнитивных стратегий литературного текста играют смешанные стратегии, включающие компоненты двух или более стратегий. Для художественной литературы характерны многокомпонентные когнитивные страте-

гии, для научной литературы характерны одно-двухкомпонентные когнитивные стратегии. Наборы стратегий обусловлены информационным замыслом автора: какое соотношение содержания текста и некоторого эталона новизны, выработанного автором в ходе текстовой деятельности (порождения/восприятия текстов).

Литература

1. *Нахимов В. В.* Самоорганизация как творческий процесс: философский аспект. Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве (под ред. В.А.Копчик). — М.: Прогресс-Традиция, 2002. 143—156
2. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: «Симпозиум», 2004. 544 с.
3. *Смирнов И. П.* Смысл как таковой. СПб., 2001. 149 с.
4. *Мамардашвили М.* Лекции по античной философии. М.: «Аграф», 1997. 320 с.
5. *Демьянков В. З.* Когниция и понимание текста. Вопросы когнитивной лингвистики. №3. 2005. 5—10.
6. *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: «Азбуковник», 2000. 321 с. 35.
7. *Поповская (Лисоченко) А. В.* Лингвистический анализ художественного текста в вузе. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2006. 512 с.
8. *Рахилина Е. В.* Основные идеи когнитивной семантики. Современная американская лингвистика: фундаментальные направления (под ред. А. А. Кибрика и др.) М.: «УРСС», 2001. 370—390.
9. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: «Прогресс», 1989. 616 с.
10. *Деррида Ж.* Эссе об имени. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 192 с.
11. *Крушевский Н. В.* Очерк науки о языке. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1883. 156 с.

**Министерство образования и науки РФ
Международная академия наук (Русская секция)
Коми государственный педагогический институт
приглашают принять участие в IV Международной научной конференции
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ СЕМИОЗИС: ДИСКУРСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ»**

Конференция состоится 26—27 апреля 2007 года
в Коми государственном педагогическом институте (г. Сыктывкар).

В ходе конференции будут обсуждены следующие вопросы:

НА ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЯХ

- Философия культуры
- Онтология, аксиология, семиотика культуры
- Теория и методология культурологических исследований

НА СЕКЦИОННЫХ ЗАСЕДАНИЯХ

- Национальный семиозис в контексте диалога культур
- Литературный текст в системе национального семиозиса: текст — дискурс — наррация
- Этнический компонент национального семиозиса
- Дискурсы идентичности: философские, исторические, лингвистические аспекты
- Историческая трансляция культурно-национальной идентичности
- Инкультурация личности как педагогическая проблема

Электронные заявки на участие (с указанием ФИО, ученой степени, должности, места работы, электронного адреса) и доклады до 8 страниц текста принимаются до 1 марта 2007 года по адресу iefadeeva@mail.ru.

Телефон для справок (8212) 20-16-01, (8212) 24-32-35

Параметры текста: кегль 14, один интервал, все поля 2 см, абзац 1 см, список литературы в алфавитном порядке в конце статьи, указание в тексте — в круглых скобках: номер по порядку, страница (например, (12:47)).

По материалам конференции до ее открытия предполагается издание сборника научных статей «Семиозис и культура» (Вып. 3). С материалами первых выпусков сборника «Семиозис и культура» можно ознакомиться на сайте www.kspi.parma.ru.

Оргвзнос в размере 300 рублей просим высылать по адресу:

167000, Сыктывкар, ул. Кутузова, дом 13, кв. 117, Фадеевой Ирине Евгеньевне.

Участники конференции будут размещены в благоустроенных общежитиях КГПИ (бесплатно).

Оргкомитет